

Завораживающие
детективы
**Виктории
Платовой**

**ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА**

**Такси для
ангела**

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ7

Разработка серии А. Саукова
Иллюстрация на обложке Ф. Барбышева

Платова, Виктория Евгеньевна.

ПЗ7 Такси для ангела / Виктория Платова. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с.

ISBN 978-5-699-98683-5

Съемка телепрограммы с участием звезд женского детектива, которую устроил в своем особняке меценат-богач, так и не состоялась. В день приезда умерла на глазах всех присутствующих, выпив бокал шампанского, королева детектива Аглая Канунникова. Читатели ее боготворили, коллеги по перу ненавидели. Сама ее смерть напоминает классический детектив... Собравшиеся оказываются отрезанными от мира, хозяин уехал, телефон не работает, особняк охраняет свора злых собак. Расследование начинают двое — оператор, снимавший встречу, и секретарь погибшей — Алиса. На подозрении все. Слишком много улик против каждой из пишущих дам, которые готовы сожрать друг друга, как пауки в банке...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98683-5

© Платова В., 2017
© Оформление. ООО
«Издательство «Э», 2017

Все события, происходящие
в романе, вымышлены, любое
сходство с реально существую-
щими людьми — случайно.

Автор

Часть первая

ГЛОССАРИЙ¹

«... — А ты здесь откуда? — спросила Королева. — И куда это ты направляешься? Смотри мне в глаза! Отвечай вежливо! И не верти пальцами!

Алиса послушно посмотрела ей в глаза и постаралась объяснить, что сбилась с дороги, но теперь понимает свою ошибку и собирается продолжить свой путь.

— Твой путь? — переспросила Королева. — Не знаю, что ты хочешь этим сказать. Здесь все пути мои!»

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

Пролог

Убийство

...Бокала Ей не хватило.

Она была единственной, кому не хватило бокала. Единственной из шести женщин и четырех мужчин. И одной собаки, хотя никому бы и в голову не пришло предложить шампанское собаке.

И на три минуты — ровно столько понадобилось официанту, чтобы исправить оплошность, — это стало главным событием вечера. Поводом для очередной демонстрации могущества, рассчитанной на телекамеру. И так идущей и Ее платью, и Ее бесстрашно открытым, ничем не украшенным ключицам, и перстням на пальцах, и бледно-восковому цветку в разрезе декольте. Это оценили все; во всяком случае, все придвинулись.

Все, кроме собаки. Она и без того сидела у Ее ног.

«Сука, — подумала Первая женщина. — Она просто издевается над нами! Даже из культпохода в сортир может сделать шоу, не говоря уже о шампанском. Сваляла дурака, чтобы лишний раз нас унижить...»

¹ Глоссарий — собрание глосс (непонятных слов или выражений), обычно к отдельному произведению или автору с их последующим толкованием.

«Сука, — подумала Вторая женщина. — Какого черта я вообще согласилась участвовать в этом балагане? А ведь Иван меня предупреждал!..»

«Сука, — подумала Третья женщина. — Пропади ты пропадом! Дождешься, что когда-нибудь тебя прищучат. И будет за что, уж поверь. Судя по твоей физиономии, налогов ты не платишь... Да, мать твою, не вовремя я ушла из прокуратуры...»

«Сука, — подумала Четвертая женщина. — Под хвост заглядывать неудобно, но, по-моему, все-таки сука. И порода восхитительная. Нужно переговорить с этой муреной о помете. Интересно, сколько она берет за щенка?..»

«Сука, — подумала Пятая женщина. — Ничего-ничего, пока все идет по плану...»

«Сука, — подумали все четверо мужчин. — Но до чего хороша! На «переспать» никаких шансов, хотя, может быть, удастся проводить Ее до двери... И кто знает... В этом возрасте дверь обычно оставляют открытой...»

Наконец с маленьким инцидентом было покончено. Шампанское снова скользнуло в Ее руку, Она подняла бокал и обвела взглядом комнату. Последовал тост с упоминанием имени каждого из присутствующих. Милых, обаятельных, обворожительных людей. И таких красивых. По-настоящему красивых! Как жаль, что у Нее не было возможности познакомиться с ними раньше, но теперь, когда это произошло, — рога в землю, флот в гавань, шпаги в ножны, перемирие на всех фронтах. Капитуляция — полная и безоговорочная.

Если, конечно, никто не возражает.

Никто не возражал. Все признавали Ее первенство. Сжав челюсти, нагнув подбородки, сцепив пальцы, — все признавали Ее первенство. Ее превосходство.

Все сдвинули бокалы и чокнулись.

Она первой сделала глоток. Маленький глоток.

И снова улыбнулась.

Вы не находите, что у этого шампанского странный вкус? Вы не нахо...

Бокал выпал у Нее из рук и разбился на мелкие осколки. Она сделала несколько шагов вперед, удивленно улыбнулась, перехватила пальцами горло и открыла рот — как будто ей не хватало воздуха... А потом по Ее телу пробежала судорога.

«Ну вот, — подумала Первая женщина. — И здесь не удержалась от фиглярства! Давай вставай и кланяйся. Шоу маст гоу он, как говаривал покойничек Фредди Меркьюри...»

«Это не балаган, — подумала Вторая женщина. — Это вертеп. Это гиньоль. Это комедия дель арте. А ведь Иван меня предупреждал!»

«Некоторые и не такие штучки проделывали, чтобы вывезти активы за границу, — подумала Третья женщина. — Да, мать твою, не вовремя я ушла из прокуратуры!..»

«Какой дивный перстень, — подумала Четвертая женщина. — Пялиться на руки неудобно, но, по-моему, все-таки изумруд. И цвет восхитительный. Нужно переговорить с этой муреной о ювелире. Интересно, сколько он берет за огранку?..»

«Вот и все, — подумала Пятая женщина. — Вот и все, вот и все, вот и все... И как просто... Как просто, господа!..»

Все пятеро стояли неподвижно, и на них не было никакой надежды. Да и какая надежда может быть на женщин?

И тогда, собрав последние силы, Она повернулась к мужчинам. К четырем мужчинам. Вернее, к четырем мужчинам и телекамере.

Вернее — к телекамере. К ней одной.

Камера, опешившая так же, как и люди, все еще работала. И Она заглянула в нее, Она бросила в нее прощальный взгляд. И растянула губы — то ли в улыбке, то ли в гримасе. И, оторвав наконец руку от шеи,

погрозила пальцем. Кому-то или чему-то. Или указала. На кого-то или на что-то.

Но скорее всего это был ничего не значащий жест.

Через секунду Ее лицо налилось синевой, и Она, как подкошенная, рухнула на пол. И затихла.

— Врача! Позовите врача!..

Но первым рядом с ней оказался не врач, которого на этой вечеринке не было и в помине, а официант. Он присел на корточки перед распростершимся на полу телом. А потом осторожно коснулся Ее шеи кончиками пальцев.

Сколько прошло времени? Минута, час, несколько секунд? Все как замороженные смотрели на плоские, коротко стриженные ногти официанта. И ни у кого не хватало смелости посмотреть на Нее саму. На Ее искаженный профиль. На волосы, моментально прилипшие к черепу, сбившиеся в кучу от страха.

Всем остальным тоже было страшно. К тому же залаяла собака.

— Заткните ее, бога ради! — крикнул кто-то из женщин.

— Ну?! — крикнул кто-то из мужчин.

Бесполезный вопрос и совершенно очевидный ответ.

Официант поднялся и почему-то стал отряхивать брюки. А потом — в полной тишине — бесцветным голосом произнес:

— Никакого врача не нужно. *Она мертва.*

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», — подумала Первая женщина.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», — подумала Вторая женщина.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», — подумала Третья женщина.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», — подумала Четвертая женщина.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой, — подумала Пятая женщина. — Но это правда!..»

Глава 1

За двенадцать часов до убийства

Я смотрю в иллюминатор на плывущие на фоне белой, заснеженной земли, разрезанной черными линиями дорог, розовато-белые облака и опять вспоминаю, как это все случилось, и думаю, сколько еще я выдержу...

...Итак.

Человек появляется в эпоху голоцена (наплевав на триас, юру и мел¹ с их влажным засильем ящеров); у Юпитера одиннадцать спутников, а белье от Шанталь Томас не идет ни в какое сравнение с продукцией фабрики «Ивановские ситцы». Все вышеперечисленное — абсолютная истина. Как и то, что я занимаю свое нынешнее место не по праву.

Но и ухом не веду. Напротив, стиснув все имеющиеся в наличии зубы, продолжаю с энтузиазмом играть так несвойственную мне роль.

Даже старичок-апостол Петр выглядел бы в ней куда естественнее. Если бы, конечно, сбрил бороду, забросил в ближайшие кусты орешника ключи от Царствия Небесного и, задрвав тунику, ринулся в погоню за автографом Аглаи.

Мир сошел с ума, ничего не поделаешь. Мир сдвинулся по фазе и пребывает в ожидании Библии-2, автором которой непременно станет Аглая. Только она, и никто другой. Ей не нужны соавторы: ни Матфей, ни Марк, ни Лука, ни Иоанн. И вообще, лучшее, что она может предложить заслуженным евангелистам, — это воскресные визиты к ним, в Дом ветеранов сцены (кто бы мог подумать — у этого заведения существуют квоты на престарелых писак)...

Мир сошел с ума, мир сдвинулся по фазе, мир помешался на Аглае Канунниковой: ничем другим объ-

¹ Голоцен, триас, юра, мел — периоды геологического развития Земли.

яснить происходящее я не могу. Остается только принимать его таким, каков он есть. Конечно, я отдаю себе отчет в том, что где-то существует и другой — большой — Мир. Мир, отличный от обложек ее книг. В этом мире ведутся войны, его иногда посещают гении, инопланетяне и сиамские близнецы; этот мир сотрясают кризисы на фондовых рынках, террористы с их пластиковой взрывчаткой, оргазмы и подвижки горных пород; этому миру угрожает глобальное потепление и такая же глобальная компьютеризация...

Чего только в нем, черт возьми, не происходит!

Совсем как в Аглаиных, черт возьми, опусах. Она — единственная. Она — зубодробительная. Она — номер один. И ей крупно повезло, что она родилась в России. В любой другой, менее экзальтированной стране госпожа Канунникофф получала бы скучные миллионы, жила бы на скучной вилле, отбрыкивалась от скучных папарацци и читала бы скучные лекции в скучных университетах.

А вот Россия — Россия совсем другое дело. И поэт в ней больше, чем поэт, и салат в ней больше, чем салат (не тот, который семейства сложноцветных, а тот, который оливье)... И детектив в ней больше, чем детектив. Так, нечто среднее между поваренной книгой, моральным кодексом строителя коммунизма и десятистраничным пособием для бойскаутов «Как развести костер, если отсырели спички».

И все потому, что мы, русские, обожаем, когда нас учат жить. Со сладострастием, достойным лучшего применения, мы подставляем головы и задницы под интеллектуальные розги да еще обижаемся, если ими недостаточно резко нас охаживают. И не оставляют рубцов истины на коже. Эта — совсем не бесспорная — мысль принадлежит моей университетской подруге Дарье. Именно ей, Дашке, я обязана своим сегодняшним местом. И своим сегодняшним жалованьем, и доступом к телу Аглаи Канунниковой. Это тело **11**

и сейчас маячит у меня перед глазами. Я могу протянуть руку и коснуться (о, несбыточная мечта фанатов от масскульты!) Аглаино плеча. Или ее подбородка, уткнувшегося в бумажный пакет: великая Аглая не переносит болтанку, она вообще ненавидит самолеты, как ненавидит поезда, паромы, роликовые коньки, горные велосипеды. И письма от поклонниц с одним и тем же воплем в постскриптуме: «Почему вы сделали убийцей Макса (Сержа, Карла Кузьмича, фамильный ледоруб — в зависимости от порядкового номера книги), он ведь такой душка!..»

Мне, в отличие от Аглаи, глубоко плевать на воздушные ямы и на то, что в салоне бизнес-класса, которым мы летим, обнаружилось с пяток безумиц, мертвой хваткой вцепившихся в последний опубликованный роман Канунниковой.

Не самый, между прочим, хороший.

Я прочла его сигнальный экземпляр еще летом — теперь это входит в круг моих обязанностей. Этот круг достаточно широк и включает в себя сортировку писем, ответы на звонки, долгие беседы с журналистами и выгул Ксоло. Ксоло, отвратительное на вид существо, носит гордое имя «мексиканская голая собака», хотя мне она больше всего напоминает неудачно размороженного цыпленка.

Аглая же в ней души не чает.

Настолько не чает, что я едва не лишилась места, когда неделю назад высказала робкое предположение о... м-м... гостинице для собак. На время нашей... м-м... поездки. Аглая заклеяла меня как собаконенавистницу, черствую маленькую дрянь, которая рано или поздно будет привлечена к ответственности за жестокое обращение с животными.

Мне пришлось заткнуться и оставшиеся до отъезда дни заниматься прививками, ветеринарными справками и шитьем меховых попонок для мерзкой соба-

12 ченции. Меховые попонки — вот он, мой звездный

час! Особенно если учесть, что я занималась шитьем все последние годы.

Я занималась бы им и сейчас (перелицовка пальто, кройка мужских брюк, костюмы для детской театральной студии Дома культуры им. В. Кингисеппа), если бы... Если бы прошлым летом не оказалась в Москве. Поездка в Москву была спонтанной — такой же спонтанной, как и моя свадьба и последующий за ней развод. Именно после развода я и отправилась в столицу — зализывать раны.

— Значит, в Москву? Разгонять тоску? — вежливо осведомился мой бывший муж, не ко времени явившийся за потрепанной магнитолой — единственной вещью в доме, купленной на его деньги. — Супружеское ложе еще не остыло, а ты уже... Ну-ну.

Внизу, у подъезда, его ожидала новая пассия — из окна кухни я видела, как они подъехали на крепеньком мускулистом джипе. Пассию звали Тамара Константиновна, и мой Бывший нарыл ее на «Ленфильме», куда таскался в тщетной надежде пристроить один-единственный написанный им сценарий. Сценарий назывался «Дервиш взрывает Париж» и проходил по разряду эксцентрических комедий.

Судя по тому, как скоропостижен был наш разрыв, царица Тамара оценила «Дервиша...» по достоинству. Кроме того, она была владелицей карликовой продюсерской компании «Флитвуд Интертэймэнт».

— Когда запуск? — не удержалась я, сжимая в руках постылую мужнину магнитолу.

— В сентябре, — он даже раздулся от осознания собственного величия. — Могу пристроить тебя ассистентом. Если, конечно, тебе надоело шить подштанники для пионеров.

Это было слишком.

— Пионеров больше нет, ты разве не в курсе? — спросила я. И через секунду магнитола со свистом шваркнулась о стену — в опасной близости от наглой, **13**

опухшей от мании величия, издевательски-круглой головы Бывшего.

— Сука, — сказал он.

— Подонок, — не осталась в долгу я.

— Неудачница.

— Альфонс.

— Швея-мотористка.

— Бездарь.

— Дура фригидная!

— Геронтофил-любитель...

Через пятнадцать минут, когда поток эпитетов иссяк, мы переключились на ближайших родственников с его и моей стороны — и брань вспыхнула с новой силой. Но и ее прервал требовательный автомобильный гудок.

— Твоя старая кляча, — сказала я, утирая пот со лба, — и получаса без тебя прожить не может. Надо же, какой темперамент. И это в ее-то годы!

— Заткнулась бы. — Бывший, тотчас забыв о наших препирательствах, подозрительно смахивающих на флирт, легко отодвинул меня и опрометью бросился к выходу.

— Беги, беги, женишок, — напутствовала его я. — Беги, а то передумает финансировать твою дешевку!..

Оставшись одна, я оросила слезами трупик поруганной магнитолы (восстановлению она не подлежала). После чего отправилась в спальню, собирать вещи.

Дарья.

Дарья — вот кто отвлечет меня от мыслей, попахивающих самым банальным суицидом!

...Дарья встречала меня на Ленинградском вокзале.

За те три года, что мы не виделись, Дарья почти не изменилась. Все тот же целеустремленный нос, все тот же стальной взгляд, все те же бледные арийские космы, волевым усилием собранные в пучок. В университете лицо Дарьи было несколько размытым (скорее всего от жизненной неопределенности), но теперь приобрело стержневую законченность.

— Похоже, ты становишься стервой, — констатировала я, целуя ее в жесткую, отстраненно-московскую щеку.

— Уже стала, — хохотнула она и отобрала у меня сумку. — Это же Москва, а не благословенный Крыжополь. Как твой дервиш? Взорвал Париж?

— Почти, — я снова пригорюнилась. — Мы развелись на прошлой неделе.

— Ушел от тебя к богатой старухе, ясно. А ты все подштанники кроишь?

— Крою, — призналась я. — И не только подштанники.

— Ну, и стоило для этого журфак кончать?

Вопрос был риторическим, и я промолчала.

Мы промахнули очумевший от людской толпы Ленинградский и оказались на площади трех вокзалов.

— Москва! — Я полной грудью вдохнула основательно подзабытый столичный воздух. — Москва!

— Москва, чтоб ей пусто было, — согласилась Дарья. — Москва, чтоб ей ни дна ни крыши. Пот и кровь, девочка моя, пот и кровь. А мест под солнцем не так много.

— Не так много, это точно. Мне — не хватило.

Я сделала шаг в сторону распаренного метро, но Дарья ловко ухватила меня за руку.

— Не сюда, — шепнула она и, вынув из кармана ключи, поболтала ими перед моим носом. — Тарантас подан, мэ.

Тарантасом оказалась вполне приличная «Мазда», терпеливо ожидавшая нас у обочины. Респектабельную физиономию «Мазды» заметно портили подбитая фара и вывороченное левое крыло, но все равно: Дарья-автомобилистка — это было здорово!

— Твоя?

— А ты как думаешь?

— Думаю, что свое место под солнцем ты отговала, — уметь радоваться успехам других было